

Лемещенко П.С. Государство и рынок: старые мифы и новые проблемы: VIII Межд. научн.-практ. конф. (Минск, 26-27 апреля 2012 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. I. – Минск, Ак. Упр. при Презид. Респ. Бел., 2012, с. 140-143 (0.4 п.л.).

Как свидетельствует история, проблемы соотношения государства и экономики, такие же древние, как и сам мир, вся хозяйственная деятельность человека. И хотя каждый из исторических этапов, имеет свои специфические особенности форм и взаимодействия государства и экономики, цели и задачи координации, к сожалению, экономическая наука (теория) по-прежнему находится в плену некоторых традиционных догм и мифов. Вера (!) в абсолютно эффективное, справедливое могущество института государства и обожествление (!) рынка среди них занимают наибольшее распространение, делящих и наших современников на две противоположные группировки: рыночники и государственники. Десятилетие хаоса и неопределенности выделяет третью категорию людей проповедующих уже некое (!?) разумное «сочетание» государства (плана – ранее) и рынка, например, как в Швеции или Германии. История, статистика и жизнь подтверждают, что достичь этой казалось бы вполне «разумной рациональности» крайне сложно, зачастую и вообще невозможно, даже если сто процентов населения страны будет проповедовать третью, казалось бы «правильную» позицию. Окажется, что нельзя всем «жить по-капиталистически», ориентируясь на эгалитарный уровень потребления, работая впосилы лишь «по-социалистически». Из этого следует, что образное мышление при всем его, казалось бы «трезвости и здравомыслии», не может заменить научного логического мышления. Поэтому *наш главный тезис* заключается в следующем: не ресурсы, даже если это нефть или газ, золото или уран определяют, в конечном счете, потенциал и реальный уровень развития страны, а наличие *идеи или совокупности перспективных идей*, отражающих тенденции 21 столетия. Собственно, речь идет о целостной *теории*, а точнее – *политэкономии* как концептуальной основе искусства или мудрости государственного управления в рамках изменившихся мирохозяйственных условий, технико-технологических изменений, организационно-экономических трансформаций. К сожалению, метафорические заклинания о рынке, о спросе и предложении, о преимуществе частной собственности, о конкуренции и пр. исключили из научно исследовательского арсенала, например, проблемы экономических законов, закономерностей институционального строительства, экономических интересов, принципов функционирования общественного сектора, механизмов взаимодействия между названным выше сектором и другими укладами, правила и процедуры эволюции политического процесса. Но оказалось, что старые, так и обусловленные уже современными рыночными трансформациями, проблемы имеют архиважное значение в формировании целостной и системной экономической политики, механизмах ее реализации, а также в конечных результатах хозяйствования, где и благосостояние граждан занимает далеко не последнее место с их не

только социальной стабильностью, но и активно-деятельной верой в перспективу своего существования и будущее своих детей, пятисотдолларовой заработной платой, продолжительностью жизни населения, составляющей основу «богатства народов» и пр. Например, производительность труда белорусских работников, которая даже ниже чем у россиян (70-75%), никак не может считаться удовлетворительным показателем, фиксирующим эффективность и возможности реализации имеющегося производственно-экономического потенциала через призму сложившейся в стране модели хозяйствования. *Причина* – месть экономических законов (!) в целом и закона стоимости в частности. Всякое регулирование без знания и учета объективных экономических законов приведет и приводит к политическому, правовому или авторитарному волюнтаризму, что было уже в истории не одной страны.

Казалось также, что мощным аргументом необходимости перехода к рынку было почти незыблемое утверждение о невосприимчивости «старой» социалистической экономики к научно-техническому прогрессу. Но прошло уже более двадцати лет и ни одна страна с так называемыми формирующимися рынками не сделала сколь-нибудь заметных прорывов в освоении новых технологий, техники или новой продукции. Все они в лучшем случае стали зависимым регионом от соседних более развитых стран. Но более того, индустриально развитые страны сами ощутили тупик своей модели *к развитию*, что высветили кризисы последних лет и особенно общий (!) кризис 2008 г. Об это написано уже достаточно много работ самими зарубежными и к тому же авторитетными исследователями П. Кругманом, Дж. Стиглицем, М. Алле, Р. Коузом и рядом других авторов. Таким образом, принципиальной ошибкой, может быть *очередным мифом*, является утверждение о том, что *переход к рынку автоматически* обеспечит экономический прогресс, рост и бескризисное развитие. Пора бы уже из практики понять, что содержание процедуры перехода к рынку нельзя упрощать, обращаясь лишь к либерализации, приватизации и свободному ценообразованию.

Но, тезис второй. Рынок и государство не есть парные категории. И поэтому утверждение «чем больше государства, тем меньше рынка» и, наоборот – не имеет ни исторического подтверждения, ни логического объяснения. Применительно к рассматриваемым категориям «государство» и «рынок» нельзя не видеть, что вся история регулирования рыночной экономики состояла не только из маятникового колебания от меркантилистского протекционизма к стихийному саморегулированию классиков и неоклассиков, но и *качественного* взаимодействия государства и рынка. Например, в результате всех переустройств в России оказалось и совсем «мало государства», если брать стандартные утвержденные МВФ критерии, и совсем «мало рынка». По крайней мере, политика модернизации объявлена даже нынешней властью из-за осознания необходимости уже новых перемен на функционирующей либеральной доктрине. Поэтому институты рынка и государства требуют более тщательного и

нестандартного исследования с учетом общего, особенного и единичного в эволюции хозяйственных форм каждой страны. Если кратко, то нельзя предлагать и оценивать эффективность той или иной формы государственного участия в хозяйственной деятельности страны, сравнивая такой вариант с гипотетическим идеалом или уже существующим образом. Следует исходить из реально *существующих альтернатив* государственного регулирования экономики. Диапазон поиска – общественные потери при анархии, и индивидуальные потери при возможной диктатуре конкретного социального устройства.

К этому следует еще добавить не только необходимость государственного регулирования социально-экономических процессов, но и *возможность*, включающая достаточные условия. Последнее обстоятельство обусловлено историческими традициями в деле государственного строительства и зависимостью от этого «эффекта колеи», опытом и уровнем профессиональной подготовки бюрократов различного уровня управления, пониманием закономерностей самого политического процесса и различных механизмов, процедур влияния на конкретные элементы всей структуры всего экономического комплекса и т.д. Исследования К. Викселя, Дж. Бьюкенена и других известных экономистов показывают, что денежно-рыночная мотивация, к сожалению, распространилась и на такую сферу как *политика*. Из этого вытекает, что бюрократы, имея, может быть, самые искренние намерения своей государственной деятельности, все же под влиянием разных обстоятельств приобретают свой личный интерес, ориентирующийся на извлечение *властной ренты*. Именно это обстоятельство является главной причиной коррупции, которая захлестнула многие страны. И только демократический контроль и отчетность бюрократической деятельности может разрешить данную проблему. Здесь и политика и экономика как бы «сходятся», чем подчеркивается *единство* общественно-экономического и политического устройства. Таким образом, определенный «политический порядок» может и часто это является *всеобщей закономерностью* сталкиваться с реальным или возможным экономическим порядком, социальным, институциональным в целом. И тогда, кроме возрастающего социального напряжения, не реализует себя имеющийся производственно-технологический потенциал страны. Этим и объясняется бедность большинства стран даже при их богатых ресурсах. *Институциональный и социальные капиталы* являются основными детерминантами кривой производственных возможностей страны.

Тезис третий. Как писал А. Смит, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта остального населения. Это положение, которое уже доказало себя, должно создать правильную, справедливую и эффективную основу формирования социальных приоритетов, табели о рангах и статусов, экономических и других стимулов, механизмах изменения социальной стратификации. Все-таки если в Беларуси

на начало 2011 года в структуре занятых управленческий аппарат занимает 3.6%, а ученые лишь 0.6%, то, не вдаваясь в зарплату тех и других, доступ к информации и распределению, различные льготы и пр., данное обстоятельство, кроме прочих негативных проявлений, объясняет бюрократическую зарегулированность и, следовательно, высокие транзакционные издержки контроля нашей системы государственного управления.

Четвертое. При анализе и моделировании экономической политики требуется обращать внимание на информационную среду и информацию *как главный ресурс политики*. Здесь возникает проблемы: 1) есть ли информация, о чем она и в каком она состоянии доступности; 2) существуют издержки приобретения информации; 3) политические и экономические актеры экономят на редкой информации, формулируя упрощенные модели окружающей среды; 4) возможности и способности актеров по усвоению и обработке информации – ограничены; 5) разная степень доступности информации до широкой публики и правильность понимания этой информации относительно проводимого курса. Этих пять проблем могут быть охарактеризованы и входят составной частью в теорию и практику современной экономической политики.

Институциональный срез дополняет современную теорию экономической политики, поскольку *институты значимы* и влияют на поведение, стимулы и определяют издержки приобретения информации. Институты имеют также закономерности эволюции. Поэтому устройство общества, предполагающего устойчивое развитие на основе реализации рыночных принципов предполагает использование *институционального планирования*. Это инструмент анализа и управления включает в себя по определенной методологии *исследование и прогноз, деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекцию изменений*. Принципиальное отличие институционального планирования от директивного, таким образом, состоит в обеспечении децентрализованных решений при установлении общих институциональных рамок. Планируются не действия экономических агентов, а соответствующие структуры, правила, нормы, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек в целом и транзакционных в частности. В этом вся сложность данного инструмента и его преимущество. *Институциональное планирование* должно стать прерогативой не только государства, но и *адекватных общественных органов*, чтобы исключить присвоение *институциональной ренты* частными лицами. Ведь признав свой особый интерес государства, необходимо создать и *негосударственную структуру* по эффективному контролю за деятельностью этой сложной фетишизированной организацией.